

КАЗЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

1762—1796 гг.

VI.

Половники.

Половники на сѣверѣ Россіи въ допетровское время.—Указы 1725 и 1753 гг. и межевая инструкция 1766 г.—Быть половниковъ въ первые годы царствованія Екатерины II.—Заявленія о половникахъ въ комиссіи для составленія новаго уложенія.—Дальнѣйшія законодательныя мѣры относительно ихъ.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Вологодской губерніи существовалъ особый классъ сельскаго населенія—такъ называемые половники. Они находились съ землевладѣльцами не въ такихъ временныхъ отношеніяхъ, какъ крестьяне многихъ другихъ мѣстностей Россіи, когда они берутъ землю изъ-полу; тамъ, отдавъ половину сбора въ видѣ арендной платы, крестьянинъ ничѣмъ не связанъ болѣе съ ея владѣльцемъ; не то было въ Вологодской губерніи. Здѣсь это были безземельные земледѣльцы, вышедшіе изъ черносошныхъ волостей и поселившіеся на чужой землѣ; владѣлецъ и половникъ связаны были тутъ взаимными обязательствами, сначала установившимися путемъ обычая, а затѣмъ и регулированными закономъ. Какимъ же образомъ въ этой мѣстности среди казеннаго населенія появились крестьяне, не имѣвшіе земли, и какимъ измѣненіямъ подвергалось съ теченіемъ времени половническое право?

Возможность обезземеленія государственныхъ крестьянъ не можетъ уже казаться намъ непонятною послѣ того, что мы знаемъ изъ предъидущей главы о поземельныхъ отношеніяхъ на сѣверѣ Россіи. Такъ какъ такая же форма землевладѣнія, т. е. община безъ передѣловъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 1—40, 247—266.

земли, существовала тамъ и въ XV—XVI вв. и такъ какъ тогда уже земли свободно переходили изъ однихъ рукъ въ другія, то понятно, что и въ то время появлялись безземельные крестьяне, которыхъ нужда заставляла селиться на монастырскихъ и другихъ земляхъ и обрабатывать ихъ на условіяхъ уплаты аренды извѣстной частью урожая и нѣкоторыми другими продуктами. Въ XV вѣкѣ мы находимъ половниковъ въ нынѣшнихъ Псковской и Тверской губерніяхъ, Костромской (въ Нерехтѣ), въ Архангельской (на устьѣ Двины), Вологодской (Устюжскомъ уѣздѣ), Ярославской (въ Попехонскомъ уѣздѣ) и въ Новгородской; въ XVI вѣкѣ имя ихъ встрѣчается въ Вологодской и Новгородской губерніяхъ, въ XVII в., кромѣ того, въ Пермской. Съ конца XVI в. мы не находимъ имени половниковъ нигдѣ, кромѣ такъ называемыхъ поморскихъ городовъ, т. е. нынѣшнихъ губерній Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Пермской и Вятской ¹⁾.

Чтобы дать понятіе объ отношеніяхъ половниковъ къ землевладельцамъ въ XVII в., мы остановимся на одной порядной 1648 г., по которой двое половниковъ взяли во владѣніе церковную землю. По условію, заключенному ими со старостой и причтомъ церкви, они получили землю на три года отъ Юрьева дня осенняго; работать они обязывались на трехъ лошадахъ и со своими земледѣльческими орудіями, а сѣмена давались отъ церкви. Чистый урожай дѣлился на пять частей: три части шли въ пользу церкви, а двѣ половникамъ; сѣно и солому получали половники; кромѣ того, они могли воздѣлывать въ свою пользу капустный и конопляный огорождъ. Они обязаны были свезти на поле удобреніе съ двора, улицы и гумна, да еще привезти его изъ Устюга по 100 возовъ на каждую лошадь; ту часть хлѣба, которая шла съ ихъ пашни въ пользу землевладельца, они обязаны были, если прикажутъ, отвезти на своихъ лошадахъ въ посадъ, и также возить церковныя дрова. Наконецъ, они должны были построить избу изъ готоваго лѣса и передѣлать сарай. Если по истеченіи урочныхъ лѣтъ они не выполнятъ того, что обязались, то староста могъ взыскать съ нихъ 2 руб.; за невозможность каждого воза удобрения они платили по алтыну.

Изъ этой порядной видно, что половники въ половинѣ XVII столѣтія, какъ и въ теченіе всего слѣдующаго вѣка, имѣли право перехода отъ одного владѣльца къ другому. Селились они въ монастырскихъ владѣніяхъ, а также на земляхъ тѣхъ «деревенскихъ вла-

¹⁾ К. А. Поповъ. Половники. Памятная книжка Вологодской губерніи за 1862 и 1863 гг., вып. II, стр. 36, 82, 90, 100. В. С.

дѣльцевъ», о которыхъ мы говорили выше, т. е. посадскихъ, канцелярскихъ служителей и крестьянъ. Почему же половническое право удержалось на сѣверѣ, когда въ остальной Россіи всѣ крестьяне были, съ уничтоженіемъ крестьянскихъ выходовъ, прикрѣплены къ землѣ? «Потому»,—отвѣчаетъ г. Поповъ,—«что половники были черносопные крестьяне и земли, на которыхъ они жили, черныя, а главное, что владѣльцы этихъ земель были также люди черные¹⁾.... Вслѣдствіе сего владѣльцы земель, населенныхъ половниками, не могли воспользоваться указами объ уничтоженіи Юрьевыхъ дней, потому что указы эти до нихъ не касались; они были изданы собственно для служилыхъ людей, которые владѣли поземельною собственностью на вотчинномъ или на помѣстномъ правахъ. Посадскіе люди поморскихъ городовъ не были вотчинниками, потому что земли ихъ всетаки принадлежали государству, не смотря на то, что могли быть владѣльцами продаваемы, закладываемы, даримы, завѣщаны и т. п.; они не были и помѣщиками, потому что не были служилыми людьми»²⁾. Въ этомъ несомнѣнно заключаются причины сохраненія для половниковъ права перехода, появленіе же самаго половничества, какъ мы уже замѣтили, объясняется тамошними поземельными отношеніями среди черносопныхъ крестьянъ. Можно было бы указать на то, что въ Сибири, гдѣ установилась такая же форма землевладѣнія, не было половничества, но за то тамъ мы встрѣчаемъ еще сильнѣйшую степень экономической зависимости, а именно кабалу.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ черносопнымъ крестьянамъ, мы видѣли, что еще въ XVII вѣкѣ правительство дѣлало попытки не только запрещать крестьянамъ отчужденіе земель, но даже и предписывало отбирать безденежно уже проданныя земли. Такое предписаніе было, по видимому, дано и относительно земель, прибрѣтенныхъ великоустюжскими посадскими, но въ 1652 г. имъ разрѣшено было по прежнему владѣть землями по купчимъ и закладнымъ. Что половниковъ было въ то время не мало на сѣверѣ Россіи, видно изъ того, что въ одномъ Усольскомъ уѣздѣ ихъ насчитывали до 4,000 душъ. Переходъ крестьянъ въ половничество продолжался и послѣ того: по даннымъ переписной книги Сольвычегодскаго уѣзда, въ 1717 г. въ половники сошло въ теченіи 40 лѣтъ—122 человѣка.

¹⁾ Монастыри въ этой мѣстности (хотя, вѣроятно, не всѣ) владѣли землями также на правахъ черныхъ людей, такъ какъ земли достались имъ не по жалованнымъ грамотамъ, а по завѣщаніямъ и другимъ актамъ отъ посадскихъ людей и крестьянъ. Ср. Поповъ, стр. 100—102

²⁾ Ibid., стр. 91—92.

Такъ какъ при производствѣ первой ревизіи оказалось, что нѣкоторые половники не попали въ перепись, то ведѣно было условиться съ мѣстными обывателями: «какимъ-бы образомъ лучшій способъ учинить, чтобы оныя, переходя съ мѣста на мѣсто, подушнаго собору не избывали». Въ 1725 г. относительно ихъ были установлены слѣдующія правила. Половникъ можетъ жить, сколько хочетъ, за тѣмъ владѣльцемъ, на землѣ котораго его застанетъ перепись; когда же онъ будетъ переходить отъ одного владѣльца къ другому, то эти послѣдніе оба обязаны донести земскому и полковому комиссарамъ, что одинъ половника отпускаетъ, а другой принимаетъ, при чемъ принимающій обязывается подпискою платить за переходящаго къ нему подушныя подати. При переходѣ половника съ владѣльческой земли въ черносошную волость, должно было соблюдать тѣже формальности, при чемъ подписка, обезпечивающая исправный платежъ податей, давалась волостнымъ старостою. Но переходъ былъ дозволенъ этимъ указомъ только въ предѣлахъ одного уѣзда, и за приемъ половника изъ другаго уѣзда взимался штрафъ по 50 руб. за человѣка. Если половники могли переходить въ черносошные крестьяне, то не запрещалось, наоборотъ, и государственнымъ крестьянамъ дѣлаться половниками, но только при этомъ они должны были совершать записи съ обозначеніемъ срока, на какой идетъ крестьянинъ въ половничество, и являть эти документы у комиссаровъ. Если половники уйдутъ отъ владѣльцевъ, за которыми они записаны, безъ отпуска и заявленія, то владѣльцы, продолжая платить за нихъ подати, могли ихъ разыскивать и затѣмъ взыскать свои убытки и 20 руб. штрафу съ тѣхъ, кто тайно ихъ держалъ. Такимъ образомъ по этому указу половники лишились права переходить изъ уѣзда въ уѣздъ, которымъ, впрочемъ, они пользовались весьма умѣренно; затѣмъ платежъ податей возложенъ былъ на земле-владѣльцевъ, тогда какъ въ старину онъ лежалъ непосредственно на половникахъ и, наконецъ, переходъ половниковъ отъ одного владѣльца къ другому былъ обставленъ нѣкоторыми формальностями.

Въ 1751 г. сенатъ приказалъ отобрать у посадскихъ людей поморскихъ городовъ всѣ тѣ земли, которыми они владѣли не по пожалованнымъ грамотамъ и которыя за ними по писцовымъ книгамъ не написаны, а приобрѣтены отъ государственныхъ крестьянъ по купчимъ и закладнымъ, и впредь запретить имъ покупать земли отъ черносошныхъ крестьянъ. Но устюжская провинціальная канцелярія, прежде чѣмъ исполнить этотъ указъ, представила на усмотрѣніе сената, что посадскіе поморскихъ городовъ издавна пользуются правомъ владѣть землями, что всѣ эти земли состоятъ на правахъ чер-

носошныхъ, что канцелярія сама раздавала купцамъ опустѣвшія отъ разброда крестьянъ черныя земли «для возобновленія податей, въ распашку и въ расчистку», что, наконецъ, въ половничество переходятъ только обнищавшіе черносошные крестьяне, которые не въ состояніи были бы платить подати, тогда какъ купцы вносятъ ихъ не только за наличныхъ, но и за умершихъ бездоимочно; если-же земли съ написанными на нихъ половниками будутъ отобраны у посадскихъ и приписаны къ волостямъ, то въ первый же годъ на нихъ накопится недоимка. Основываясь на этихъ доводахъ, провинціальная канцелярія просила сенатъ разрѣшить посадскимъ людямъ Устюжской провинціи по прежнему владѣть всѣми принадлежащими имъ землями и даже вновь покупать участки у черносошныхъ крестьянъ. Сенатъ согласился на это въ 1753 г., но съ тѣмъ, чтобы половники сохраняли право перехода на основаніи указа 1725 г. и чтобы ни крестьяне, ни купцы не продавали земель помѣщикамъ и постороннимъ людямъ, и отнюдь не отдавали бы ихъ въ монастыри.

Въ 1764 г. въ сенатѣ вновь былъ поднятъ вопросъ о половникахъ, причемъ первый департаментъ нашелъ, что дозволенный имъ переходъ съ мѣста на мѣсто не полезенъ. Но это не значитъ, чтобы сенаторы хотѣли закрѣпостить половниковъ за тѣми владѣльцами, на земляхъ которыхъ они жили; напротивъ того, они предлагали отписать земли, принадлежавшія купцамъ и другихъ чиновъ людямъ, кромѣ жалованныхъ и записанныхъ за ними по писцовымъ книгамъ; если же окажется, что половники живутъ на такихъ пожалованныхъ земляхъ, то ихъ слѣдовало бы или переселить на казенныя земли, или же, оставивъ на прежнемъ мѣстѣ, взять эти земли въ казну за известное вознагражденіе. Но общее собраніе сената, не смотря на протестъ князя Шаховскаго и А. А. Олсуфьева, иначе рѣшило это дѣло, ссылаясь на то, что изъ черносошныхъ крестьянъ выходятъ въ половничество совершенно бѣдные и что неудовольствія отъ этого до сихъ поръ никакого не было; надобно только наблюдать, чтобы крестьяне жили въ половникахъ по доброй волѣ.

Межевою инструкціею 1766 г., какъ мы уже знаемъ, всѣ государственныя земли, находившіяся во владѣніи посадскихъ и другихъ чиновъ людей, кромѣ приобретенныхъ по именнымъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ, велѣно было отобрать и впредь перепродажу и залогъ земель запретить. Но такъ какъ деревенскіе владѣльцы жалованныхъ грамотъ на принадлежащія имъ земли не имѣли (только Петръ Великій раздавалъ государственныя земли на половническомъ правѣ купцамъ и даже дворянамъ), то имъ предстояло лишиться ихъ. Однако, прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшихъ пра-

вительственныхъ мѣропріятіяхъ относительно половниковъ, мы познакомимся съ ихъ положеніемъ въ началѣ царствованія Екатерины II. Главными матеріалами для этого намъ послужатъ свѣдѣнія, сообщенныя депутатами отъ крестьянъ и купечества въ комисіи уложенія, а также довѣренности, выданныя самими половниками при выборѣ депутатовъ.

Въ половинѣ XVIII столѣтія половники жили только въ Архангельской и Казанской губерніяхъ, именно въ Великоустюжской и Вятской провинціяхъ ¹⁾. По второй ревизіи ихъ было 14,847, по третьей—11,277 д. м. п.; уменьшеніе это объясняется обращеніемъ въ черносошные крестьяне половниковъ, жившихъ на монастырскихъ земляхъ ²⁾. Съ теченіемъ времени, число половниковъ все уменьшалось: такъ, по 5-й ревизіи, въ Вологодской губ. ихъ было всего 5,656 д., т. е. вдвое менѣе, чѣмъ было ихъ по 3-й ревизіи въ той-же мѣстности (въ прежней Архангельской губ. половники только и жили въ Великоустюжской провинціи, вошедшей въ составъ Вологодской губ.).

Владѣли половниками купцы, посадскіе, подъячіе, а также и крестьяне. Значительная часть купцовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ жили половники, совершенно покинула города и поселилась въ деревняхъ; а особенно отличалось этимъ купечество города Яренска, гдѣ, впрочемъ, и въ самомъ городѣ купцы занимались хлѣбопашествомъ. Обыкновенно у купцовъ было по 20, по 30 д. половниковъ; у крестьянина Ключарева, бывшаго депутатомъ отъ черносошныхъ крестьянъ Великоустюжской провинціи, было 70 половниковъ; у одного Сольвычегодскаго посадскаго была 31 соха половниковъ.

Въ первой половинѣ XVIII в. значительное число половниковъ жило на земляхъ монастырей, архіерейскихъ домовъ и т. п.; въ 1717 г. въ одномъ Сольвычегодскомъ уѣздѣ половниковъ, принадлежащихъ монастырямъ и вообще духовнымъ, было 1,322 души. Но правительство постепенно обращало ихъ въ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ. Въ Вятской провинціи, во время производства второй ревизіи въ 1745 г., оказалось, что изъ числа обревизованныхъ уже 20,781 д., монастырскихъ и архіерейскихъ крестьянъ было 5,227 д. половниковъ. По словамъ духовныхъ властей, они переселились, вслѣд-

¹⁾ Крестининъ упоминаетъ еще о незначительномъ остаткѣ половниковъ Двинской земли (12 чел. на землѣ города Архангельска).

²⁾ По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Лепехинимъ, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ было купеческихъ половниковъ 2,993 души, въ Великоустюжскомъ 4,336 душъ, и кромѣ того въ той-же Великоустюжской провинціи были еще половники въ Яренскомъ уѣздѣ.

стве недвижимыя земли, изъ черносошныхъ волостей съ вѣдома своихъ старостъ, нерѣдко поженились на двушкахъ духовныхъ вотчинъ и платили подушныя подати наравнѣ съ крѣпостными, не внося оброчнаго сбора, которымъ были обложены государственные крестьяне. Узнавъ объ этомъ, сенатъ приказалъ записать ихъ на тѣхъ же архіерейскихъ и монастырскихъ земляхъ, гдѣ они жили, но уже черносошными крестьянами, съ тѣмъ, чтобы они по прежнему владѣли этими землями, платя впередъ какъ семи, такъ и четырехъ гривенныя оброчныя денъги, а оброкъ за время отъ первой до второй ревизіи приказалъ взискать съ архіерейскаго дома и монастырей ¹⁾. Но духовныя власти, какъ видно, не хотѣли отказываться отъ владѣнія половниками. Въ 1751 г. секундъ-маіоръ Бестужевъ, наблюдавшій въ Вятской провинціи за подушнымъ сборомъ, донесъ, что архіерейскій домъ и нѣкоторые монастыри неправильно завладѣли черносошными крестьянами. Въ связи съ этимъ очевидно находится и бывшее въ то время волненіе этихъ крестьянъ, которое было усмирено только военною силою. Межевою инструкціею 1754 г. велѣно было всѣмъ черносошнымъ крестьянамъ, живущимъ на духовныхъ земляхъ, отмежевать землю отдѣльно отъ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ въ равномъ съ ними количествѣ. Постановленія этой инструкціи нигдѣ почти не были, какъ извѣстно, приведены въ исполненіе, но послѣ секуляризаціи духовныхъ имѣній, въ 1764 г., правительство велѣло половниковъ, жившихъ въ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ деревняхъ (такихъ было по 2-й ревизіи въ Устюжскомъ уѣздѣ 1,141 д., въ Сольвычегодскомъ 502 д.), отдѣлить отъ экономическихъ крестьянъ и обратить въ черносошныя, надѣливъ ихъ землею на основаніи межевой инструкціи 1754 года.

Обязанности владѣльцевъ тѣхъ земель, на которыхъ жили половники, состояли въ томъ, что они платили за нихъ подати наравнѣ съ государственными крестьянами и давали сѣмена для посѣва. Депутатъ города Великаго Устюга упоминаетъ также о вспомоствованіи половникамъ со стороны землевладѣльца при первомъ обзаведеніи, но было-ли это общимъ правиломъ, намъ неизвѣстно.

Половники, какъ мы уже знаемъ, имѣли право переходить отъ одного владѣльца къ другому; право это, однако, было почти фиктивнымъ. Во первыхъ, переходъ былъ ограниченъ предѣлами одного уѣзда, въ дѣйствительности же представлялись и другія препятствія: по сло-

¹⁾ Нужно замѣтить, что часть земель, принадлежавшихъ тамъ духовнымъ властямъ, была прежде во владѣніи черносошныхъ крестьянъ и отдана была ими въ архіерейскій домъ, монастыри и церкви на поминъ души. В. С.

вамъ одного половническаго наказа, владѣльцы стоваривались между собою не принимать другъ отъ друга половниковъ, а черносошные крестьяне также не пускали ихъ въ свои волости, такъ какъ имъ пришлось бы платить за нихъ подати, неисправныхъ же плательщиковъ было и безъ того не мало въ казенныхъ волостяхъ. Переходить отъ одного владѣльца къ другому половники могли, разумѣется, лишь по истеченіи срока договора, который они и въ это время заключали съ хозяевами.

Обязанности половниковъ относительно государства состояли, во первыхъ въ отправленіи рекрутской повинности. Такъ какъ владѣльцы присвоили себѣ право отдавать въ рекруты кого пожелаютъ, то нѣкоторые и сдѣлали изъ этого выгодный промыселъ: если наборъ былъ, положимъ, по одному съ 500 д., то владѣлецъ, имѣвшій 20 половниковъ, отдавъ одного рекрута, собиралъ деньгами стоимость рекрута съ тѣхъ, кто долженъ былъ участвовать въ его поставкѣ (это называлось брать деньгами въ складку). Черносошные крестьяне тѣхъ волостей, въ которыхъ были половники, находили такой обычай обременительнымъ не только для этихъ послѣднихъ, но и для самихъ себя, и высказывали желаніе, чтобы половники несли рекрутскую повинность по очереди съ крестьянами всей волости. Вотъ что писали въ своемъ наказѣ крестьяне Ракульской волости Двинской трети Великоустюжскаго уѣзда: «Сіе правило, что отдавать съ малаго числа душъ въ рекруты, а къ тому принимать отъ другихъ, принадлежитъ до однихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, для того, что за ними крѣпостные, а за сими въ половникахъ государственные черносошные крестьяне. И съ тѣхъ здѣшнихъ застарѣлыхъ обрядовъ угождающіе всѣмъ владѣльческимъ прихотямъ остаются всегда безъ несенія рекрутской службы, а исполняющіе волю ихъ безочередно отдаются въ рекруты. Государственному же черносошному крестьянству отъ обонихъ сихъ поведеній великое огягощеніе и развореніе по причинѣ несенія владѣльческими половниками никогда никакой съ ними рекрутской службы, и такъ, что не на давнихъ годахъ изъ многихъ крестьянскихъ домовъ почти головою выбраны въ рекруты, а, напротивъ, нѣкоторые половническіе всѣ цѣлы; а какъ выше изъяснено, что за купцами и крестьянами единственно однѣ земли государственныя черносошныя, слѣдовательно подлежатъ и тяжести нести всѣмъ равныя, и если бы такое учрежденіе было, что всѣ владѣльческіе половники должны всегда рекрутскую службу нести по очереди на ряду той волости, въ которой владѣльца ихъ деревня состоитъ, съ крестьянами. а особливо владѣльцы половникомъ своимъ въ рекруты отдачи не имѣли, то, наконецъ, все бы оное прекратилось и всѣ бы пользова-

лись равномерною льготою и равномернымъ служебъ несеніемъ¹⁾. На злоупотребленія при рекрутскихъ наборахъ со стороны владѣльцевъ земель, населенныхъ половниками, указывалъ комиссіи уложенія и архангельскій губернаторъ Головцынъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того желаніе крестьянъ было исполнено и вѣдѣно было при рекрутскомъ наборѣ причислять половниковъ къ тѣмъ черносошнымъ волостямъ, въ которыхъ они прежде были крестьянами.

Половники несли также наряду съ другими сельскими обывателями дорожную и подводную повинности и исполняли разныя мірскія службы.

Переходимъ теперь къ характеристикѣ отношеній половниковъ къ землевладѣльцамъ. Главная ихъ обязанность состояла, разумѣется, въ обработкѣ земли; урожай, по всей вѣроятности за вычетомъ сѣмянъ, дѣлился между половникомъ и землевладѣльцемъ пополамъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ половникъ получалъ только $\frac{2}{5}$ урожая. Этимъ, однако, не ограничивались его обязанности; онъ долженъ былъ исполнять для своего хозяина не мало различныхъ работъ. Во первыхъ—косить и убирать сѣно, что, по словамъ половничьихъ наказовъ, отнимало у нихъ въ лѣто отъ двухъ до четырехъ недѣль. Такъ, въ одной волости половники давали со всякой сохи «по одному косцу, по гребцу, съ коньми и съ кошновозами»; работники проводили на покосахъ недѣли по четыре и больше. Другіе работали на сѣнокосѣ по три недѣли и болѣе, давая съ каждой лошади по косцу, по два гребца съ конемъ и съ кошновозомъ²⁾. У третьяго владѣльца половники ходили на сѣнокосѣ человекъ по три изъ каждого дома и работали тамъ по двѣ, по три недѣли, а иногда и болѣе. Половина сѣна шла половникамъ, но однако не всегда: кромѣ сѣнокосовъ, находившихся въ пользованіи половниковъ изъ-полу, у нѣкоторыхъ

¹⁾ Неся рекрутскую повинность, половники платили еще такъ называемыя «солдатскія деньги», т. е. сборъ на обмундированіе рекрутъ.

²⁾ Изъ сопоставленія этихъ двухъ мѣстъ между собою, а также и съ порядкомъ 1648 г., можно заключить, что слово «соха» употребляется тутъ въ буквальномъ смыслѣ; но оно могло имѣть и другое значеніе, именно—участка земли опредѣленной величины. По словамъ Гакстгаузена, земли купцовъ, лежащія отдѣльно отъ земель государственныхъ крестьянъ, обыкновенно раздѣлялись на равныя части (сохи) въ каждомъ полѣ. Такая соха заключала въ себѣ земли на двѣ четверти посѣва въ полѣ, слѣд., около шести дес. въ трехъ поляхъ. Каждая семья половниковъ, смотря по количеству въ ней работниковъ и обилію рабочаго скота и инструментовъ, брала отъ половины до двухъ сохъ. Очевидно, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ сказано въ одномъ наказѣ половниковъ: «по росписи за нами владѣльцами во владѣніи называемыхъ 31 соха».

владѣльцевъ были еще особые луга, на которыхъ половники должны были работать, хотя сѣна съ нихъ не получали. По словамъ одного наказа, «владѣльцы лучшими сѣнными покосами владѣютъ, и когда сѣнные покосы поспѣютъ, то мы, половники, и съ женскимъ своимъ поломъ сѣно косимъ и возимъ на своихъ конѣхъ недѣль по шести, изъ котораго сѣна мы, половники, ничего не получаемъ». Въ другомъ наказѣ сказано: «лучшія пожни хозяева отобрали, на которыхъ нами поставляется ежегодно по 80 копенъ, и то сѣно оныя хозяева всегда продаютъ стороннимъ людямъ, а насъ оставляютъ безъ сѣна, и прикупаемъ со стороны». Въ третьемъ—половники также жалуются на хозяина, что онъ отобралъ отъ нихъ лучшіе сѣнные покосы, которые, однако, ихъ же заставляютъ косить.

Кромѣ того, половники для землевладѣльцевъ «рубили новины» подъ ленъ, сѣяли также и коноплю. Затѣмъ обрабатывали эти растенія, пряли, ткали и бѣлили холстъ. На сѣнокосахъ также работали не только женщины, но и дѣти.

За хозяйскими работами половники не успѣвали иногда во-время посѣять хлѣбъ и оттого у нихъ случались неурожаи. По словамъ архангельскаго губернатора Головцына, купцы надъ половниками, «во всемъ власть свою распространяютъ и какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ на нихъ, купцовъ, всякую работу исправляютъ, отчего для своего пропитанія лишаются удобнаго къ посѣву, также къ сѣнокосу и жатвѣ времени, понеже хлѣбъ насѣваютъ и сѣна они снимаютъ на часть свою всегда послѣ тѣхъ своихъ хозяевъ, затѣмъ иногда хлѣбъ у нихъ повреждается морозами, а сѣна отъ дождей бывають худы и скоту непитательны».

Кромѣ полевыхъ работъ, половники рубили для своихъ хозяевъ лѣсъ, возили на своихъ лошадахъ, строили дома и другія постройки, рубили и доставляли дрова (отъ одной до трехъ сажень съ сохи), а также известное количество лучинъ). Изрѣдка упоминаются еще слѣдующія работы на хозяевъ: передѣлка овса на крупу и толокно, сушеніе ячменя, собираніе ягодъ, грибовъ, губокъ, каменьевъ, вязаніе вѣшниковъ, наконецъ, пастьба скота (половники одного подъячаго великоустужской провинціальной канцеляріи набирали ежегодно подтора четверика ягодъ, насаливали шестьдесятъ ведеръ губокъ, связывали триста вѣшниковъ; у другихъ владѣльцевъ всѣхъ половниковъ высылали на такую работу на опредѣленное время, напр. для сбора ягодъ и губокъ для на два) ¹⁾. Немало обременяло также по-

¹⁾ У нѣкоторыхъ владѣльцевъ было просто установлено, какое количество того или другаго сбора натурою должны были представить половники; такъ, у одного хозяина требовалось ежегодно съ 31-й сохи—31 безмень чesanаго

ловниковъ то, что они должны были весьма нерѣдко служить хозяевамъ своими подводами: то они отвозили хлѣбъ въ городъ, то прикащиковъ хозяина, то обязаны были вывезти изъ города на пашню определенное количество удобренія; а не то—ихъ отправляли съ разными припасами въ городъ на лодкахъ или посылали съ какиминибудь порученіями пѣшкомъ.

Во время работъ половники, безъ сомнѣнія, были на своей пищѣ, о чемъ иногда они и упоминаютъ въ своихъ наказахъ; но нерѣдко мы встрѣчаемъ указанія, что, работая на сѣнокосѣ или во время построекъ, они получали хозяйскіе харчи.

Хотя, разумѣется, не вездѣ половники ежегодно исполняли всѣ эти работы, но всетаки понятно, что они жаловались на тяжесть лежавшихъ на нихъ повинностей; въ двухъ мѣстахъ половники нанимали даже для хозяйскихъ работъ казаковъ и казачихъ, т. е. работниковъ и работницъ. Однимъ словомъ, половникамъ приходилось трудиться на хозяина и лѣтомъ, и зимою, такъ что въ одномъ наказѣ они заявляли, что хозяйская работа поглощаетъ одну треть года, а по другому—даже двѣ трети.

Кромѣ всѣхъ этихъ работъ, половники вносили хозяевамъ и денежный сборъ, такъ называемыя «пожилыя деньги»; не знаемъ, былъ ли онъ повсемѣстнымъ, но въ четырехъ наказахъ упоминается, что половники платили отъ 60 к. до 1 р. 20 к. ежегодно съ каждой сохи или лошади.

Купцы и другіе «деревенскіе владѣльцы» не ограничились тѣмъ, что посылали половниковъ на всевозможныя работы, какъ помѣщики своихъ крѣпостныхъ: они просто сдѣлали нѣкоторыхъ изъ нихъ дворовыми. Такіе половники исполняли всякія домашнія работы ¹⁾, а у купцовъ иногда дѣлались и прикащиками, и развѣзжали съ товарами по разнымъ мѣстамъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ.

Зависимость половниковъ отъ хозяевъ была на столько велика, что послѣдніе подвергали ихъ даже тѣлеснымъ наказаніямъ; по крайней мѣрѣ, въ одномъ наказѣ половники посадскихъ Пановыхъ жаловались, что хозяйева ихъ «безвинно бьютъ, стегаютъ безъ указаннаго суда и увѣчатъ занапрасно самосудствомъ своимъ». Въ рукахъ хозяевъ было и другое, еще болѣе страшное средство для того, чтобы принудить половниковъ къ безпрекословному повиновенію: они

льну (безмень—2½ фунтамъ) и 150 арш. холста на мѣшки; у другаго—съ каждой лошади по рѣшету черемухи.

¹⁾ Одинъ половникъ, бывшій мельникомъ у двухъ устюжскихъ купцовъ, служилъ при мельницѣ въ деревнѣ въ теченіе 30-ти лѣтъ изъ-за одного хлѣба, не получая ни денежной платы, ни одежды.

В. С.

могли каждого из них сдать въ рекруты, и дѣйствительно, по словамъ наказа одной черносошной волости, «не безъ примѣчанія, что который владѣльцу половникъ противъ его прихоти хотя мало въ чемъ не услужить, того въ рекруты и отдастъ, не разсуждая и не сожалея, очередь-ли ему идти или нѣтъ».

Мы почти не имѣемъ свѣдѣній о количествѣ земли, находившейся въ пользованіи половниковъ; намъ извѣстно только, что въ одной волости Сольвычегодскаго уѣзда у 160 душъ было пахатной земли 39½ десятины въ каждомъ полѣ, сѣна 6,125 копенъ ¹⁾. Хозяинъ былъ вполне воленъ въ своей землѣ, и мы уже знаемъ, что иногда онъ отбиралъ у половниковъ лучшія пожни, оставляя имъ лишь небольшое количество покоса для прокормленія скота. Если случалось, что владѣльцы распоряжались совершенно самоуправно даже движимымъ имуществомъ половниковъ (такъ, напр., посадскіе Пановы отбирали у нихъ лошадей и рогатый скотъ за дешевую плату), то понятно, что иногда они вовсе прогоняли ихъ съ своей земли, и тѣмъ приходилось тогда переселяться въ черносошныя волости. Купцы, по словамъ черносошныхъ крестьянъ Орловскаго уѣзда Вятской провинціи, въ деревняхъ, населенныхъ половниками, «работами половничьими завели . . . для пріѣзду своего, яко помѣщика, сады, огороды и пруды, а ежели-жъ половники тѣхъ купцовъ чѣмъ ни есть хотя немного прогнѣваютъ словами о излишней работѣ, то отъ себя ихъ изъ деревень во крестьянство безъ земли отсылаютъ, а другіе хотя и съ землею, но тѣ земли приведены къ неплодородію за хозяйскими работами, и особливо береженные прежними хозяевами лѣса нынѣ тѣми-жъ купцами вырублены, и привели ихъ въ опустѣніе, а тѣмъ купцамъ владѣть прибытку не стало приходиться, и затѣмъ отказываютъ, и видя тѣхъ половниковъ слезы, и особливо скудость, что не только имѣли-бъ впредь къ пропитанію себя хлѣба, но и платяе совсѣмъ ветхое, принуждены ихъ крестьяне принять въ свое смотрѣніе».

Тяжелое экономическое положеніе половниковъ отражалось и на ихъ умственномъ развитіи: сравнивая подписи подъ ихъ наказами съ подписями въ наказахъ черносошныхъ крестьянъ, мы замѣчаемъ, что среди ихъ вовсе не была развита грамотность. Между тѣмъ какъ въ наказѣ государственныхъ крестьянъ мы всегда встрѣтимъ нѣсколько подписей членовъ той волости, отъ имени которой онъ

¹⁾ Для сравненія упоманемъ, что въ одной волости того же уѣзда у 78 душъ бывшихъ монастырскихъ половниковъ, къ ней приписанныхъ, было пахатной земли 31 дес. въ каждомъ полѣ, сѣна 2,000 копенъ; въ другой у 120 д.—23 дес. пахатной земли въ каждомъ полѣ и 3,250 копенъ сѣна. В. С.

составленъ, въ половничьихъ наказахъ мы обыкновенно находимъ подписи священника, а не то—экономическаго или черносошнаго крестьянина.

Но какъ бы ни былъ ограниченъ умственный кругозоръ половниковъ, они, разумѣется, отлично сознавали свое печальное положеніе, и потому какъ только явился къ тому удобный случай—учрежденіе комисіи для составленія новаго уложенія—отъ нихъ посыпались жалобы на своихъ владѣльцевъ. Правда, депутатъ отъ города Великаго Устюга, Плотниковъ, объяснялъ это въ комисіи интригами черносошныхъ крестьянъ; если половники «всколебались въ своемъ состояніи», говоритъ онъ, «то причина тому—волостные сотскіе, которые, «упоившись издревле ненавистью къ купечеству», собираютъ половниковъ въ свои земскія избы и тамъ стараются тайно увѣрить ихъ въ томъ, что если они будутъ жаловаться, то ихъ отберутъ у купцовъ и припишутъ къ волостямъ: и вотъ половники «ввѣряютъ имъ слѣпыя свои просьбы, а сіи безстыдно отправляютъ ихъ къ сочиненію проекта новаго уложенія». Но такое объясненіе, разумѣется, совершенно недостоительно.

Ознакомившись съ положеніемъ половниковъ, посмотримъ теперь, какія заявленія о нихъ были сдѣланы въ комисіи уложенія и какія мѣры были предложены для измѣненія ихъ быта. Въ засѣданіи 18-го октября 1767 года депутатъ отъ черносошныхъ крестьянъ Великоустюжской провинціи, Ключаревъ, указавъ на то, что купцы, доведя половниковъ до нищеты и убожества, стали брать ихъ цѣлыми семьями въ города для работъ въ своихъ домахъ и на заводахъ, а также упомянувъ о злоупотребленіяхъ при рекрутскихъ наборахъ, просилъ комисію постановить, чтобы купцы жили только въ городахъ, куда должны возвратиться и поселившіеся въ деревнѣ; ихъ земли въ уѣздахъ, принадлежавшія прежде государственнымъ волостямъ, по прежнему возвратить въ волости; половниковъ отъ нихъ отобрать, приписать въ волости наравнѣ съ государственнымъ крестьянами и впредь запретить купцамъ записывать ихъ за собою, держать же у себя крестьянъ работниками дозволить не иначе, какъ по письменнымъ отпускамъ сотскаго. Нужно замѣтить, что требованія Ключарева только въ томъ отношеніи шли далѣе постановленій межевой инструкціи, что онъ требовалъ запрещенія купцамъ впредь принимать половниковъ; но такъ какъ и по межевой инструкціи половники могли бы остаться только на земляхъ, жалованныхъ купцамъ, а такія у нихъ едва-ли были, то въ сущности желанія, выраженныя Ключаревымъ, сводятся лишь къ осуществленію предписаній межевой инструкціи. Его поддержалъ депутатъ отъ черносош-

ныхъ крестьянъ Архангельской губ., Чупровъ, который заявилъ, что просьба нѣкоторыхъ депутатовъ отъ городовъ о дозволеніи имъ покупать недвижимыя имѣнія и крѣпостныхъ людей несходна съ большимъ наказомъ и предложилъ разрѣшить купцамъ владѣть землями и распахивать пустопорожня земли, но не иначе, какъ вольными людьми, а не половниками, и подати по окладу платить съ земли, а не съ душъ; половниковъ же у нихъ отобрать. Еще ранѣе Ключарева депутатъ отъ дворянства Любимскаго уѣзда, Толмачовъ, высказалъ мнѣніе, что нужно запретить купечеству покупать земли у черносошныхъ крестьянъ.

Минуя неважныя возраженія на заявленія Ключарева, сдѣланныя депутатомъ отъ города Яренска, мы остановимся на обширномъ опроверженіи, представленномъ семь мѣсяцевъ спустя депутатомъ отъ города Великаго Устюга, Плотниковымъ. Онъ старается доказать, что купцы вовсе не эксплуататоры половниковъ, а, напротивъ, ихъ благодѣтели. Онъ говоритъ, что они, на основаніи указа Петра Великаго, принимали обнищавшихъ черносошныхъ крестьянъ, желая «показать о нихъ сожалѣніе» и «тѣмъ прославить свое отечество». Получивши ихъ себѣ такимъ образомъ во владѣніе,—продолжаетъ Плотниковъ,—купцы «нашли ихъ такими, которые имѣютъ на себѣ въ доимкѣ за многіе годы государевы подати, но не имѣютъ земель, ни скота, ни строенія, словомъ сказать, нашли ихъ не крестьянъ, но самыхъ нищихъ»; новыя же владѣльцы строили имъ дворы, давали для развода всякій скотъ, кормъ для него, хлѣбъ для посѣва и денежное вспомошествованіе. «На сіе колкое число денегъ купцы истратили, того никоимъ образомъ уже исчислить невозможно, но по справедливости могу почтенное собраніе увѣрить, что иные изъ нихъ вошли въ превеликіе долги, иные, и особливо люди невеликодостаточныя, лишились своего капитала», хотя и знали, «что многіе годы не будетъ отъ половниковъ никакого платежа ниже плодovъ, награждающихъ толикіе убытки». Но благодаря не только половничьимъ наказамъ, но и свидѣтельству стороннихъ людей (Лепехина и архангельскаго губернатора Головцына), мы знаемъ истинную цѣну всему этому самовосхваленію.

Въ отвѣтъ на указанія Ключарева, что купцы берутъ половниковъ къ себѣ въ домъ и употребляютъ на своихъ заводахъ во всякія работы, Плотниковъ говоритъ: «сіе справедливо, что берутъ къ себѣ въ дома, однако, въ томъ весьма будетъ несогласно, что берутъ цѣлыми семьями и употребляютъ какъ будто крѣпостныхъ людей во всякія работы... Берутъ такихъ, которые остаются послѣ умершихъ отцовъ своихъ малолѣтныя и не могущіе еще работать, для

вскармлиенія и прирѣнія по челоуѣмолюбію, снабжая ихъ до возраста одеждою и всѣмъ потребнымъ. Послѣ, кто къ чему имѣеть склонность, т. е. къ грамотѣ-ли и къ мастерствамъ, тому ихъ и обучаютъ и на то тратятъ свои деньги, а по возрастѣ, кто пожелаетъ на пашни, тѣхъ, удовольствуя всѣмъ, что къ сожитію земледѣльца необходимо, поселяютъ; и кто-жъ пожелаетъ изъ сихъ или изъ бобылей, у кого есть заводы, быть при оныхъ, тѣхъ и оставляютъ, и смотря по мастерству даютъ плату такъ точно, какъ и вольнымъ мастерамъ и работникамъ. Еще берутъ такихъ, которые не приобыкли и не хотятъ обрабатывать землю, но желаютъ быть при легкихъ работахъ, таковыхъ, обженивши, содержатъ при домахъ и съ женами и съ дѣтьми». Такимъ образомъ Плотниковъ не опровергаетъ сказаннаго Ключаревымъ: половниковъ дѣйствительно брали въ купеческіе дома и, если отбросить всю шумиху фразъ о благодѣяніяхъ со стороны хозяевъ, мы увидимъ полное подтвержденіе словъ Лепехина, что «купцы имѣютъ полную власть надъ крестьянами (т. е. половниками), какъ и помѣщики». Дѣйствительно, въ приведенныхъ словахъ Плотникова намъ рисуются обыкновенныя отношенія помѣщика къ своему крѣпостному: купецъ беретъ себѣ въ домъ малолѣтнихъ; «кто пожелаетъ» на пашню, того дѣлаетъ земледѣльцемъ, «кто пожелаетъ» на заводъ—становится фабричнымъ рабочимъ; хозяинъ женитъ своихъ подданныхъ и затѣмъ «не желающихъ обрабатывать землю» съ женами и дѣтьми содержитъ при домахъ, т. е. обращаетъ въ своихъ дворовыхъ. Тутъ нужно только слова: «кто пожелаетъ» замѣнить словами «какъ захочетъ землевладѣлецъ», и тогда дѣло будетъ представляться въ истинномъ свѣтѣ; при совершенной почти фиктивности права перехода и при возможности для хозяина не только подвергнуть непокорнаго наказанію, но и сдать его въ рекруты, половникъ, конечно, долженъ былъ безпрекословно исполнять всѣ желанія хозяина. Что же касается заявленія Плотникова, будто купцы даютъ на своихъ заводахъ половникамъ рабочую плату наравнѣ съ вольнонаемными, то мы полагаемъ, что оно несправедливо: не только ни въ одномъ половничьемъ наказѣ не упоминается о такой платѣ, но, напротивъ, не разъ говорится о томъ, что за всѣ свои труды половники не получаютъ никакого вознагражденія, и мы видимъ это не только относительно земледѣльческихъ работъ (смотри выше заявленіе мельника). Нужно думать, что половники, работавшіе на заводахъ, получали, наравнѣ съ находившимися въ услуженіи, содержаніе натурою.

Плотниковъ старается также увѣрить комиссію, что при отдачѣ половниковъ въ рекруты купцы не совершали никакихъ зло-

употреблений, но такъ какъ жалобы крестьянъ въ этомъ отношеніи подтверждаются свидѣтельствомъ архангельскаго губернатора, то мы не будемъ болѣе на этомъ останавливаться. Замѣтимъ только, что и по словамъ Плотникова купцы «выбираютъ въ рекруты изъ бобылей или лѣнливыхъ и неприобыкшихъ къ хлѣбопашеству людей», а это открывало полную возможность для злоупотреблений. Гораздо важнѣе указанія Плотникова, что не одни купцы владѣютъ половниками, а также и черносопные крестьяне, и что у самого Ключарева ихъ было 70 душъ. Такъ какъ жалобы отъ половниковъ собирали черносопные крестьяне, а также и мѣшкія по этому вопросу подавали ихъ депутаты, то дѣйствительно оказалось всего болѣе нареканій на обращеніе купцовъ съ ихъ половниками; но весьма возможно, что и у крестьянъ-мироѣдовъ ихъ житье-бытье было не сколько не лучше. «Вся рѣчь господина депутата Ключарева,—замѣчаетъ Плотниковъ,—ведется о купцахъ и склоняется къ ихъ только порицанію; но о себѣ и о другихъ подобныхъ онъ ничего не упоминаетъ; говоритъ только, что купцы напрасно владѣютъ землями, купцы напрасно владѣютъ половниками, довели купцы ихъ до самой крайности; но самъ онъ и прочіе владѣютъ землями не напрасно, владѣютъ половниками законно, и у нихъ они находятся въ благоденственномъ и выгодномъ состояніи».

Далѣе Плотниковъ наивно объясняетъ, что купцамъ не хочется терять своихъ имѣній, указываетъ въ ихъ оправданіе на всѣхъ знаменитыхъ людей древности—преторовъ, сенаторовъ и консуловъ, которые «не отвергали достоящееся въ ихъ руки имѣніе», а потомъ переходитъ въ другой тонъ и увѣряетъ, что отъ половниковъ мало пользы купцамъ, что если они лишатся ихъ, то будетъ «не очень великая потеря», что самимъ половникамъ станетъ отъ этого хуже, предлагаетъ, наконецъ, чтобы государственные крестьяне выкупили эти земли у купечества. На тотъ же случай, если половники останутся во владѣніи купцовъ, Плотниковъ выставляетъ слѣдующія требованія: 1) «Чтобы безъ явныхъ доказательствъ въ неудовольствіи половники отъ владѣльцевъ или купцовъ отходить прочь не дерзали, т. е. когда послѣдуетъ имъ отъ владѣльцевъ какая обида или въ чемъ нибудь неудовольствіе, то долженъ онъ въ городѣ, въ канцеляріи или магистратѣ, или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, представить явно принужденное и притомъ худое свое состояніе, тогда воленъ онъ куда хочетъ отойти». 2) «Дозволить купцамъ половниковъ огсмѣять отъ себя прочь такихъ, которые не хотятъ по лѣности своей работать, которые люди испорчены во нравѣ и на послѣдокъ есть самые бездѣльники.... Исключать ихъ тогда изъ списка

владѣльческаго и приписывать къ волостямъ». 3) Черносошныя крестьяне не должны имѣть никакого дѣла до половниковъ, записанныхъ за купцами, и не предъавлять никакихъ требованій на купеческія земли. Ясно, что купцы стремились совершенно лишитъ половниковъ права перехода, такъ какъ единственною достаточною причиною для оставленія владѣльца они признавали «явно принужденное и притомъ худое состояніе»—условіе слишкомъ неопредѣленное, которое всегда могло быть истолковано въ пользу болѣе сильной стороны,—а въ то же время для себя купцы желали имѣть право отсылать половниковъ по своему произволу безъ всякаго представленія въ канцелярію или магистратъ, какъ это они, впрочемъ, иногда дѣлали и до того.

Между тѣмъ официальные лица, знакомыя съ положеніемъ половниковъ, предлагали совершенно другое: архангельскій губернаторъ Головцынъ, согласно съ желаніемъ крестьянскихъ депутатовъ, находилъ нужнымъ отобрать половниковъ отъ купцовъ и земли ихъ приписать къ волостямъ, съ тою только разницею, что онъ считалъ возможнымъ, чтобы крестьяне уплатили купцамъ небольшое вознагражденіе за эти земли. Хотя по межевой инструкціи,—писалъ онъ въ комиссію уложенія,—купцамъ своихъ земель «до будущаго впредь по снятымъ планамъ разсмотрѣнія никому продавать и закладывать не велѣно, но что съ половниками ихъ чинить, о томъ въ оной межевой инструкціи никакого закона не предписано и для того не соизволено-ль будетъ тѣхъ половниковъ, въ облегченіе ихъ отъ вышепоказаннаго отягощенія, отвести изъ-за купцовъ и, давъ имъ по семейству надлежащія въ силу означенной межевой инструкціи изъ вѣхъ купеческихъ земель, кто гдѣ по ревизіямъ написанъ, въ деревенскихъ угодьяхъ части, сравнить съ государственными черносошными крестьяны наряду, а затѣмъ оставшія у купцовъ земли, все отъ нихъ отобрать, отдать въ государственныя черносошныя волости, положи заплатитъ тѣхъ волостей черносошнымъ крестьяномъ за оныя земли купцамъ умѣренную цѣну, а не по крѣпостямъ, для того, что купцы, льстя себя хорошими прибытками, выкупали у крестьянъ лучшія земли и имѣя оныя въ своемъ владѣніи довольно время, конечно, въ данныхъ за тѣ земли деньгахъ возвращеніе получили съ прибыткомъ, и впредь навсегда покупать тѣмъ купцамъ у черносошныхъ крестьянъ земли запретить».

И такъ, въ комиссіи уложенія требованія и крестьянскихъ депутатовъ и мѣстной администраціи были близки къ тому, что было уже предписано межевою инструкціей 1766 г.; слѣдовало только привести въ исполненіе узаконенныя ею правила; но этого-то и не было слѣ-

лано. Въ 1787 г. императрица приказала генераль-губернатору Мельгунову прислать въ сенатъ представленіе о половническихъ земляхъ и о платежѣ за нихъ податей по количеству земли, и затѣмъ сенатъ со своимъ мнѣніемъ долженъ былъ донести объ этомъ государынѣ. Когда къ исполненію этого повелѣнія приступилъ въ слѣдующемъ году новый генераль-губернаторъ Кашкинъ, то оказалось, что купцы, мѣщане и прочіе разночинцы владѣютъ своими землями на основаніи купчихъ, закладныхъ, поступныхъ и указныхъ, данныхъ изъ присутственныхъ мѣстъ на владѣніе землями, проданными съ публичнаго торга и отданными по искамъ, именныхъ же указовъ и жалованныхъ грамотъ не оказалось ни у кого. Не смотря на то, вологодскія присутственныя мѣста опредѣлили: на основаніи указовъ 1652, 1725 и 1753 годовъ межевой инструкціи (?) утвердить земли за владѣльцами, если документы ихъ составлены по формѣ, и позволить держать половниковъ согласно съ указомъ 1725 г.; крѣпости же, писанныя не по формѣ, уничтожить, и земли, на которыя онѣ даны, отписать въ казну, также какъ и отъ тѣхъ владѣльцевъ, кто не представитъ никакихъ документовъ. Съ такимъ мнѣніемъ вологодская палата гражданскаго суда внесла въ сенатъ на разсмотрѣніе 19 дѣлъ. Такимъ образомъ, къ концу XVIII столѣтія вопросъ о половникахъ рѣшался совершенно не такъ, какъ можно было ожидать на основаніи межевой инструкціи: вмѣсто отчисленія съ землями, на которыхъ они были поселены, къ государственнымъ волостямъ, ихъ предлагали оставить въ прежнемъ положеніи. Впрочемъ, вполнѣ опредѣленнаго взгляда на этотъ вопросъ въ мѣстной администраціи не выработалось: въ противоположность только что указанному мнѣнію палаты гражданскаго суда, директоръ экономіи Тѣрскій и казенная палата (въ 1794—1795 г.) полагали, что всѣ земли слѣдуетъ отобрать отъ купцовъ и мѣщанъ, и передать черносошнымъ крестьянамъ, между тѣмъ генераль-губернаторъ на это не соглашался.

Наконецъ, въ 1810 г. вопросъ о правѣ обладанія землями, на которыхъ были поселены половники, былъ рѣшенъ сенатомъ. Имѣя въ виду именной указъ 1801 г., дозволившій приобрѣтать ненаселенныя земли всѣмъ свободнымъ людямъ; документы, представленныя владѣльцами, или формальныя доказательства объ ихъ уtratѣ; то, что нѣкоторые владѣли землями отъ 40 до 100 лѣтъ и болѣе и, наконецъ, именной указъ 1787 г., запрещающій «касаться до чьей либо собственности», сенатъ рѣшилъ оставить земли за владѣльцами на прежнемъ основаніи. Рѣшеніе это было подтверждено въ 1827 г. государственнымъ совѣтомъ, при чемъ были регулированы закономъ отношенія между половниками и ихъ хозяевами. Право перехода по

окончаніи срока контракта было сохранено за половниками, но съ тѣмъ только, чтобы они за годъ предупреждали о своемъ желаніи перейти на новое мѣсто; точно также и хозяинъ долженъ былъ за годъ предупредить половника, если думалъ иначе распорядиться своею землею (заключать контракты половники могли на срокъ отъ 6-ти до 20-ти лѣтъ). Дальнѣйшая дѣятельность правительства по этому вопросу состояла въ содѣйствіи постепенному переселенію половниковъ на казенныя земли ¹⁾).

Однако еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ были половники на земляхъ частныхъ владѣльцевъ въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи. Въ 1875 г. у нихъ произошло столкновеніе съ землевладѣльцемъ, окончившееся вмѣшательствомъ полиціи. Когда крестьяне, считая себя правыми, оказали сопротивленіе ея требованіямъ, въ борьбѣ приняли участіе и женщины; онѣ сорвали съ исправника погонь, а другому должностному лицу одна женщина укусила палець. Вѣроятно, это волненіе и послужило поводомъ къ окончательному измѣненію быта половниковъ. Въ 1876 г. высочайше утвержденнымъ положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго населенія, половникамъ указано три исхода: или переселиться на казенныя земли съ полученіемъ отъ правительства пособія на постройку новыхъ жилищъ и обзаведеніе (всего до 55 р. на семью) и со льготою на 6 лѣтъ отъ податей; или войти въ соглашеніе съ землевладѣльцами о выкупѣ старыхъ земель, при чемъ правительство также обѣщало заимообразное пособіе; или остаться безземельными съ правомъ, разумѣется, арендовать земли на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, хотя бы у тѣхъ же самыхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ они жили прежде.

На сколько дѣйствительною оказалась эта послѣдняя законодательная мѣра, мы видимъ изъ слѣдующей корреспонденціи изъ Сольвычегодска. «Не смотря на послѣднее правительственное распоряженіе относительно половниковъ, давшее имъ возможность селиться на казенныхъ земляхъ и, слѣдовательно, обзаводиться земельною собственностью, — половничество продолжаетъ здѣсь *de facto* существовать. Даже слово «половникъ» имѣетъ полнѣйшее право гражданства до сихъ поръ въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ, и прежнія половничьи отношенія между извѣстною частью крестьянскаго населенія и землевладѣльцами тутъ мало измѣнились. Половники не ушли на новыя земли, но остались, большею частію, на

¹⁾ Въ 1845 г. купцы и мѣщане получили право полной собственности на принадлежавшія имъ земли. В. С.

своихъ старыхъ насиженныхъ мѣстахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осталось и старое экономическое зло, измѣнивъ только нѣсколько свою прежнюю внѣшнюю оболочку. Кто сколько нибудь знакомъ съ тѣмъ, какъ трудно крестьянину разставаться съ своимъ роднымъ гнѣздомъ, какъ убыточно и тяжело разрушать ему это гнѣздо и создавать новое, тотъ, конечно, пойметъ, почему крестьянинъ-половникъ не бросаетъ своего стараго, хотя и не обезпечивающаго его въ земельномъ отношеніи, но всетаки роднаго и насиженнаго мѣста. Половникамъ просто невыгодно и рискованно разрушать свое убогое хозяйство на мѣстѣ для того, чтобы искать счастья вдали, на сторонѣ. Особенно рискованнымъ этотъ шагъ оказывается для крестьянина сѣверянина, для котораго культивированіе малѣйшаго клочка земли соединено съ необычайными усиліями. Къ тому же, обычныя земельныя отношенія въ предшествующій упомянутому узаконенію періодъ времени для сольвычегодскаго крестьянина сложились такъ, что прежніе половники имѣли возможность обзавестись небольшими клочками земли, культивируя ихъ гдѣ нибудь вблизи отъ своихъ мѣстожителствъ на искони существовавшемъ здѣсь правѣ «свободной заимки». Такимъ образомъ, волею-неволею, здѣшніе половники принуждены были остаться, большою частію, на своихъ старыхъ пепелищахъ. И они остались. Но измѣнились ли хоть сколько нибудь ихъ прежнія экономическія отношенія къ тѣмъ владѣльцамъ, у которыхъ они по прежнему продолжаютъ обрабатывать земли за извѣстное натуральное вознагражденіе? Да, измѣнились, только совсѣмъ въ противоположную сторону! А именно: половникъ получаетъ теперь за труды только треть земледѣльческихъ продуктовъ» («Русская Правда» 1878, № 76).

Такимъ образомъ половничество, уничтоженное de jure, въ дѣйствительности по прежнему существуетъ, не смотря на то пособіе, которое правительство готово оказать половникамъ при переселеніи ихъ на казенныя земли. Изъ этого видно, какъ трудно бываетъ измѣнить разъ установившіяся поземельныя отношенія. Исторія половниковъ (предки которыхъ, такъ или иначе, утратили свои поземельные участки въ казенныхъ волостяхъ) служитъ лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ, которые желаютъ совершеннаго уничтоженія передѣловъ земли; классъ половниковъ потому-то и образовался на сѣверѣ, что тамъ былъ иной способъ пользованія общинною землею, чѣмъ тотъ, какой уже нѣсколько столѣтій существуетъ въ центральной Россіи.

В. И. Семеvскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).